

© 2014 г. С.Т. ЗОЛЯН

О МОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Г. ФРЕГЕ И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ РАСШИРЕНИЕ

В статье рассматриваются концепции знака Г. Фреге, Ч. Пирса и Ф. де Соссюра с тем, чтобы показать те принципиальные различия между ними, которые приводят к различным теориям знака. Предлагается за исходную принять концепцию Фреге, дополнив ее модальным измерением. Основная идея Фреге – что смысл есть отношение (функция), соотносящая языковые выражения с нелингвистическими объектами – может пониматься и как отношение, заданное на множестве возможных миров. К формальному определению смысла как функции можно добавить и содержательный аспект, указав на условия денотации, т. е. применительно к каким мирам и посредством каких текстов и коммуникативных контекстов может быть осуществлена денотация. Тем самым смысл как отношение может быть описан и как модель соотношения (референции), и как модус существования в этой модели (в некотором множестве возможных миров) некоторого объекта (в случае имени собственного) или класса объектов (в случае имени нарицательного). Это есть соотношенное с данным знаком его модальное измерение. При актуализации знака модальные характеристики соотносятся с миром-контекстом коммуникации, в результате чего определяется денотация данного знака применительно к некоторому миру-контексту.

Ключевые слова: Г. Фреге, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, смысл, модальное и темпоральное измерение знака, денотация, модальная семиотика, семантика возможных миров

We consider Frege's, Peirce's and Saussure's conceptions of sign. The principal differences between them lead to divergent theories of linguistic sign. We suggest to expand Frege's approach by modal extension. Frege's basic idea is that a sense is a relation (function) that correlates linguistic expressions with non-linguistic objects. This function can be defined on the set of possible worlds. The formal definition of sense as a function can be supplemented by a substantial aspect of specifying the conditions of denotation, i. e. in respect to which worlds and with which intertextual and contextual means a denotation can be exercised. Thus, sense can be described both as a model of correspondence (reference) and as a mode of existence within that model (some set of possible worlds) of some object (in the case of proper name) or some class of objects (in the case of a common name). We suggest considering all these relations as a modal dimension of linguistic sign. Within the process of actualization the modal characteristics of the sign interact with the world and context of communication, whereby the denotation of the sign is specified in respect to a certain pair of «world-context».

Keywords: G. Frege, Ch. Peirce, F. de Saussure, modal and temporal dimension of linguistic sign, denotation, modal semiotics, semantics of possible worlds

Достижения современной семантики в различных ее ипостасях – будь то когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, исследования по формальной семантике естественных языков – практически никак не отразились на теории языкового знака. Эти достижения в семиотике оказались незамеченными – во всяком случае, в том, что касается не дескриптивных и прикладных аспектов, а теоретических основ, затрагивающих само определение знака. Семиотика естественного языка сегодня оказалась оторванной от семантики. Возможно, это связано с тем, что в современной семантике преобладает теоретико-множественный подход, основанный на идеях Готлоба Фреге,

тогда как теории языкового знака основываются преимущественно на идеях Фердинанда де Соссюра и частично Чарльза Пирса. В семиотике использование идеи Фреге ограничивается (и, возможно, блокируется) приписываемым ему семантическим треугольником¹, где потеряно столь существенное понимание смысла как отношения, или функции.

Однако, как мы хотим показать, именно подход Фреге к знаку позволяет учесть достижения современной семантики и заполнить те лакуны, которые наличествуют в концепциях Пирса и Соссюра. Вместе с тем вопросы, которые для самого Фреге оставались проблематичными, получают естественное объяснение при дополнении понятия знака модальным измерением. Наша статья будет состоять из двух частей: вначале (разделы 1, 2) мы попытаемся рассмотреть, что лежит в основе «классической» теории знака, затем (разделы 3, 4) – каковы возможности ее расширения, в частности, посредством введения модального и темпорального измерения.

1. КОНЦЕПЦИИ ЗНАКА Ч. ПИРСА, Ф. де СОССЮРА и Г. ФРЕГЕ

Безусловно, затруднительно говорить о какой-либо канонической версии семиотики. Это возможно только при крайне поверхностном подходе, когда игнорируется та разнородность и многовекторность развития теории знака, которая изначально была задана Ф. де Соссюром, Ч. Пирсом и Г. Фреге. Ведь до сих пор не прояснено в должной мере – а что есть семиотика? Начиная с популярного мультимедийного учебника семиотики для начинающих Д. Чандлера резонно ставится вопрос: если семиотика есть наука о знаках, то что же есть знак? Но вопрос этот следует адресовать не только начинающим. Само определение знака вовсе не очевидно: знак определяется посредством семиотической теории, он относится к метаязыку². Утверждение *Знак есть знак* не является полной тавтологией, хотя, казалось бы, слово *знак* употребляется двояко: первое словоупотребление, субъектное, относится к языку-объекту, второе, предикативное, – к метаязыку. Но при этом уже первое употребление слова «знак» также оказывается зависимым от метаязыка: если есть нечто общее между громом и романом «Война и мир», то это только то, что мы рассматриваем их как знаки, и общность эта может быть установлена только в рамках семиотической теории. Представляется, что речь должна идти о двух уровнях метаязыкового употребления слова *знак* – уровне наблюдения и оперирования знаками и уровне описания того, чем мы оперируем как знаками. Принципиальная сложность заключается в том, что сами по себе знаки нам не даны: они либо конструируются, либо же употребляются как знаки. Что есть знак – это одновременно и вопрос практического использования чего-либо в качестве знака, и вопрос семиотической теории, описывающей это нечто как знак. Разумеется, исторически знаки предшествуют семиотике, логически они порождаются соответствующими

¹ Так называемый «семантический треугольник» следует именовать треугольником К. Огдена – И. Ричардса: он появляется в ставшей знаменитой книге «The meaning of meaning» [Ogden, Richards 1923: 11] без какого-либо упоминания Фреге (о нем говорится лишь в приложении, где дан обзор основных на то время семантических теорий – с. 273–274). В самой книге авторы говорят о «нашем треугольнике» (our triangle), а Бронислав Малиновский в помещенной там же статье называет его треугольником «Огдена – Ричардса» [Malinovski 1923: 325].

² Знаки, которые используются в семиотических процессах, и знаки как понятие семиотики – это различные объекты. На это указывал еще Ч. Моррис, и он же отмечал, что трудно избежать этого смешения. Ср: «Очень важно видеть различие между отношениями, присущими данному знаку, и знаками, которые мы используем, когда говорим об этих отношениях, – полное осознание этого является, быть может, самым важным общим практическим приложением семиотики... Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта... Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках... Термин “знак” – это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики» [Моррис 1983: 43–44].

щей теорией³. И не случайно, что с момента возникновения семиотики намечаются две различные версии – Ф. Соссюра и Ч. Пирса. Их авторов обычно рассматривают как двух разделенных океаном единомышленников, различие между которыми лишь в том, что один назвал новую науку «семиологией», другой предпочел переосмыслить традиционный термин «семиотика». Между тем теоретические различия между концепциями Пирса и Соссюра куда значительнее, чем различие в терминах⁴. Сегодняшняя разногласия в понимании самих основ семиотики – отголосок изначально различных подходов к ее главному герою: знаку.

По Соссюру, знак и язык – это социальные явления: «...можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией» [Соссюр 1977: 54]. Но при этом язык – это абстрактная система знаков и, соответственно, знак есть абстрактная сущность. (Ср.: «точно определить место семиологии – задача психолога» [Там же], тогда как в «жизни общества», если быть последовательным, может функционировать не язык, а речь.) Для Пирса, напротив, семиотика есть «формальное учение о знаках (философская логика)»⁵. Но вместе с тем определение знака конкретно (и даже наглядно) и зависит от ситуации, а не от системы: «Для Пирса знак есть конкретный объект, субститут, который замещает другой конкретный объект» [Lotman 2003: 80]. Соответственно, семантика, то есть отношение между знаком и замещаемым объектом (по Пирсу) или между означаемым и означающим (по Соссюру) получает различную интерпретацию: для Пирса это отношение между объектами, не имеющее связи с мышлением⁶, для Соссюра знак – это исключительно ментальная сущность, поскольку и означаемое, и означающее являются мысленными образами⁷.

³ Так, долгое время в советской семиотике наиболее популярным было определение И.И. Ревзина: семиотика есть перенесение методов лингвистического анализа на нелингвистические объекты [Ревзин 1971]. Четко прослеживается следующая логика: если нечто, не являющееся знаком (нелингвистический объект) описывается как знак (лингвистический объект), то он может рассматриваться именно так: как знак. В дальнейшем Евгений Горный продолжил эту логику: «Семиотика – это то, что люди, называющие себя семиотиками, называют семиотикой» [Горный 1996: 170]. Примечательно, что в таком определении изначальная тавтологичность определения знака сохраняется, но с семиотики она переходит на семиотиков. Таким образом, все три определения семиотики тавтологичны: в традиционном определении тавтологичен объект (знак), в определении И. Ревзина – метод, И. Горного – субъект. Объединение этих трех определений приводит к появлению своеобразного *perpetuum mobile*: семиотики создают метод, метод – объект, объект – людей, которые его изучают, семиотиков, и так на каждом витке будут порождаться соответствующие методы, объекты и субъекты.

⁴ Ряд принципиальных отличий отмечен в [Бенвенист 1974; Lotman 2003].

⁵ Ср.: «Думается, я уже имел случай показать, что логика, в своем наиболее общем смысле, есть всего лишь иное название семиотики, квазинеобходимого или формального учения о знаках. Говоря, что это учение “квазинеобходимо” или формально, я имею в виду, что мы наблюдаем свойства известных нам знаков, и от этого наблюдения, путем процесса, который можно называть абстрагированием, переходим к утверждениям, в высшей степени ненадежным (и в этом смысле совершенно не необходимым) о том, какими должны быть свойства всех знаков, используемых “научным” разумом, то есть разумом, способным учиться на опыте» [Пирс 2000: 176 (§ 227)].

⁶ «Logic is formal semiotic. A sign is something, *A*, which brings something, *B*, its *interpretant* sign, determined or created by it, into the same sort of correspondence (or a lower implied sort) with something, *C*, its *object*, as that in which itself stands to *C*. This definition no more involves any reference to human thought than does the definition of a line as the place within which a particle lies during a lapse of time» [Peirce 1976: 54].

⁷ «Мы можем изобразить язык в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий, так и в столь же неопределенном плане звучаний... Языковой знак есть двусторонняя психическая сущность» [Соссюр 1977: 114, 99].

В обоих случаях знак определяется вне рамок собственно знаковых процессов. Семантика перестает быть лингвистической или семиотической дисциплиной и рассматривается как ветвь либо (социальной) психологии, либо математики (логики). Таким образом, можно говорить о двух не связанных между собой семантиках – логической и психологической⁸. Подобный подход оборачивается потерей как лингвистического, так и семиотического базиса. Так, Э. Бенвенист указывает на следующее глубинное противоречие, к которому приводит последовательное развитие идей Ч. Пирса:

Человек в целом есть знак, его мысль – знак, его эмоция – знак. Но если все эти знаки выступают как знаки друг друга, то могут ли они в конечном счете быть знаками чего-то, что само *не было бы* знаком? Найдем ли мы такую точку опоры, где устанавливалось бы *первичное* знаковое отношение? Построенное Пирсом семиотическое здание не может включать само себя в свое определение. Чтобы в этом умножении знаков до бесконечности не растворилось само понятие знака, нужно, чтобы где-то в мире существовало *различие* между знаком и означаемым [Бенвенист 1974: 70–71].

Выход Бенвенист видел в сосюрловской концепции, определяющей знак внутри некоторой системы (структуры). Но в этом случае, на что обратил внимание Умберто Эко (предлагая основываться на теории не какой-нибудь другой, а именно Пирса), происходит следующее:

Иными словами, благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым. И если потом это означаемое принимает в голове у говорящего форму понятия или же воплощается в определенных навыках говорения, то это касается таких дисциплин, как психология и статистика. Парадоксальным образом, когда семиология, кажется, вот-вот определит означаемое, в тот самый миг она рискует изменить самой себе, превратившись в логику, философию или метафизику. Один из основателей науки о знаках Чарльз Сандерс Пирс пытался уйти от этой опасности, введя понятие «интерпретанты», на котором следует остановиться [Эко 1998: 66–67].

Но как раз на понятии «интерпретанты», если следовать определению Пирса, «остановиться» невозможно: оно предполагает принципиально ничем не ограниченное движение в семиотическом пространстве⁹. Предлагаемое Эко решение приводит его к воспроизведению концепции Соссюра, но в несколько усложненном виде¹⁰.

Как видим, постоянно возникают ситуации либо тавтологических кругов, либо же «ухода» в иные дисциплины, что предполагает использование отличных от семиотических методов. Такая ситуация складывается, на наш взгляд, вследствие того, что абсолютизируется один из аспектов знака, и тогда возникают или тавтологические круги, или не имеющий предела самодостаточный семиозис; ср. [Есо 1995]. А при разъединении этих аспектов знак теряет свои особенности, вследствие чего семантика и семиотика теряют свой объект, сливаясь либо с психологией, либо с математикой.

⁸ Ср.: «Я различаю два объекта рассмотрения: во-первых, описание возможных языков или грамматик как абстрактных семантических систем, посредством которых символы связываются с аспектами реальности; во-вторых, описание психологических и социологических факторов, обуславливающих то, что некоторое лицо или группа лиц использует именно данную семиотическую систему. Смешение этих двух объектов может привести только к путанице» [Льюиз 1983: 254].

⁹ Ср. определение знака у Пирса: «Нечто, что определяет что-то другое (свою интерпретанту) к тому, чтобы это что-то тем же самым образом, что и оно само, относилось к некоторому объекту, к которому оно само относится (к своему объекту), причем интерпретанта, в свою очередь, становится знаком, и т.д. *ad infinitum*» [Пирс: 2000, 216 (§ 303)]. В оригинале яснее: «The interpretant of a sign becomes in turn a sign, and so on *ad infinitum*» [Peirce 1976].

¹⁰ Ср.: «Языком в таком случае следовало бы назвать систему, которая объясняла бы сама себя путем последовательного развертывания все новых и новых конвенциональных систем» [Эко 1998: 69].

Между тем здесь не требуется изобретать чего-либо принципиально нового. На наш взгляд, баланс между различными аспектами семантики знака, между субъективным и объективным, лингвистическим и экстралингвистическим, был найден еще Г. Фреге. Его теорию знака следует освободить от последовавших популяризаторских толкований в духе «треугольника Фреге» и вспомнить о той основной проблеме, которую поставил ученый: что именно выражают утверждения тождества – отношения между объектами или же между именами (знаками) объектов? [Фреге 1977: 181]. Фреге уходит от якобы очевидного «объективистского» решения: отношения идентичности устанавливаются не между объектами, а между именами объектов, то есть это семиотическое отношение. Отсюда и ответ на вытекающий вопрос: а что есть семиотическое отношение? Есть ли это отношение между знаками (как то предполагается в теории Соссюра) или же это отношение между знаками и объектами (как то следует из определения Пирса)?

Решение Фреге известно: это различные знаковые отношения, и одно определяет смысл знака, а другое – его значение, или денотат¹¹. Но, разграничивая эти отношения, Фреге указывает и на соотнесенность между ними: отношение между знаком и объектом детерминировано отношением между смыслом и знаком. Тем самым эти два аспекта выступают не как независимые друг от друга, а как смысловые уровни. Внутрисистемное отношение, смысл (вспомним Соссюра)¹², в свою очередь, определяет отношение между знаком и объектом (т. е. как у Пирса)¹³. При этом Фреге четко отграничивает смысл как внутрисистемное явление, поскольку «смысл можно рассматривать сам по себе, то есть можно говорить о смысле как таковом» [Фреге 1977: 185], от индивидуальных представлений: он отграничивает смысл и денотат слова от вызываемых ими мысленных представлений¹⁴.

¹¹ Фреге противопоставляет *Sinn* и *Bedeutung*. Первый член не представляет трудности для перевода – это *смысл* (*Sense/Significance*). Однако второй до сих пор не имеет общепринятого перевода. На русский его переводят то как *денотат*, то как *значение*. Еще больше вариантов дают английские переводы: *reference/meaning/denotation/nominatum*. Мы выбрали термин «денотат» – как следуя первой публикации, так и потому, чтобы в дальнейшем, говоря о принимаемых функциях значениях, избежать смешения между значением-meaning и значением-value.

¹² Ср.: «Чтобы понимать смысл имен собственных, требуется лишь в достаточной степени владеть соответствующим языком или знать совокупность обозначений, к которой принадлежит данное имя» [Фреге 1977: 183].

¹³ «В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу в свою очередь всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка... Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака (*Bedeutung*), но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака (*Sinn*); смысл знака – это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге 1977: 183, 182].

«Условимся говорить, что собственное имя (слово, знак, сочетание знаков, выражение) в ы р ж а е т свой смысл и о б о з н а ч а е т, или н а з ы в а е т, свой денотат» [Там же: 188].

¹⁴ Приведем пример, наглядно поясняющий, как Фреге понимает и это различие, и «объективность» смысла: «Между денотатом и представлением располагается смысл – не столь субъективный, как представление, но и не совпадающий с самой вещью, то есть с денотатом. Поясним это соотношением следующим примером. Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп. При этом имеют место два реальных изображения Луны: первое образуется на линзах внутри телескопа, а второе – на сетчатке глаза наблюдателя. Тогда саму Луну можно сопоставить с денотатом, первое изображение Луны – со смыслом, а второе – с представлением (или восприятием). Верно, что изображение в телескопе является односторонним и зависит от расположения телескопа, тем не менее, оно вполне объективно, поскольку его могут одновременно воспринимать несколько наблюдателей. Однако изображение Луны на сетчатке глаза у каждого будет свое» [Там же: 186–187].

Концепция Г. Фреге, предвосхищая взгляды и Соссюра, и Пирса, в определенной степени синтезирует оба подхода, но добавляет весьма существенный аспект: как сам знак, так и его денотат определяются через смысл. Смысл понимается как явление внутриязыковое, но не замыкающееся языком: посредством смысла осуществляется соотнесение знака с **именно его** денотатом: денотат в этом случае не какой-либо произвольный объект, отличный от знака (как у Пирса), а обусловленный данным смыслом. Вместе с тем смысл знака вовсе не ограничивается отношением данного знака к другим знакам внутри данной системы (как у Соссюра) – он предполагает в качестве функции знака (функции и математической, и телеологической) его соотнесенность с денотатом, то есть объектом, лежащим вне знаковой системы.

Как видим, для наличия смыслов совсем не обязательно наличие объектов или же психологических или мысленных представлений о них. Более того, не может быть денотатов, если нет обозначающих их знаков: могут быть объекты, которые станут денотатами только после того, как будут обозначены некоторым знаком. Тем самым Фреге создает основу для собственно семиотического и семантического подхода, не предполагающего конечного растворения языкового знака в психологии или логике. Но тут возникает ряд вопросов, которые отчасти были подняты самим Фреге.

В центре теории Фреге оказывается смысл, посредством которого возможно определение знака и денотата. Однако сам по себе смысл не играет самостоятельной роли – он есть **способ**, или **правила соотнесения** знака с его денотатом. Может ли знак не иметь смысла – такой вопрос для Фреге **бессмыслен**: если нечто не имеет смысла, то невозможно соотнести его с некоторым объектом. Соответственно, не может быть смысла, который оказался бы не выраженным в знаках и характеризовал бы сам объект (очевидно, что когда мы говорим о смысле дерева или же о смысле истории, то используем слово «смысл» иным образом). В то же время, по Фреге, смыслы «могут быть рассмотрены сами по себе» [Фреге 1977: 186]¹⁵. Но если смысл есть «способ соотнесения», или отношение, то как возможны ситуации, когда отсутствует второй член отношения – денотат? В таком случае смысл оказывается явлением исключительно внутрисистемным, что не согласуется с общим подходом Фреге. Даже ограничивая себя рассмотрением в качестве знаков исключительно собственных имен, Фреге сознает, что язык устроен иначе, чем то предписывает его семантическая теория. Он сам же и описывает эти «отклонения» от постулируемого им «идеального» языка. Это 1) зависимость смысла языковых выражений от контекста¹⁶; 2) наличие у имени различных

¹⁵ Заметим, впрочем, что не совсем ясно, как в рамках теории Фреге можно рассматривать смысл «сам по себе», не релятивизируя его применительно к знакам и денотатам. По Фреге, «косвенный денотат слова совпадает с его обычным смыслом», где под косвенным денотатом понимается денотат слов, используемых в косвенном употреблении, например, при цитации. Однако это далеко не всегда так: например, в предложении *Говорят, что Петя любит Аню* денотатами этих имен будут Аня и Петя, а не смысл этих слов. Если же считать, что Фреге имеет в виду самое узкое понимание цитации, исключительно как воспроизведение слов *Аня* и *Петя*, а не сказанного о них, то тогда пропадает само понятие смысла. О не-фрегевском подходе к цитации и косвенным смыслам см. [Davidson 1975; Barwise, Perry 1981; Cresswell 1980; Золян 1989].

¹⁶ Ср.: «Разумеется, в действительности указанное соответствие часто нарушается. Как было только что сказано, в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл; однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию: редко бывает так, чтобы слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах» [Фреге 1977: 183, 184]. Заметим, что, на наш взгляд, адекватнее исходить из того, что контекстная зависимость семантики языковых выражений – это не отклонение, а, напротив, общее правило. Это, кстати, в весьма категорической форме утверждает и сам Фреге, но в иной связи – при рассмотрении понятия числа: «Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слово обладает подлинным значением... Слова обозначают нечто только в контексте предложения» [Фреге 2008: 196, 198].

смыслов¹⁷; и, что наиболее существенно 3) то, что имена и предложения могут иметь смысл, но не иметь денотата¹⁸. Все эти факторы в разной степени и по-разному, но довольно существенно колеблют сами основы теории Фреге. И если первые два еще могут быть объяснены «несовершенством» естественного языка и быть элиминированы в языке идеальном, то третье препятствие неустранимо и в идеальном языке. Видимо, поэтому ему Фреге уделяет особое внимание:

Дело здесь в несовершенстве языка, от которого, впрочем, не вполне свободна и знаковая система математического анализа; здесь мы также встречаем выражения, которые внешне выглядят так, как будто они что-то обозначают, однако в действительности, по крайней мере до сих пор, денотат их неизвестен, например: *сумма бесконечного расходящегося ряда*. Этого можно избежать, если особым соглашением приписать данному выражению денотат «0». От логически совершенного языка... нужно требовать, чтобы любое выражение, образуемое как собственное имя грамматически правильным образом из уже ранее введенных знаков, действительно обозначало некоторый предмет, и чтобы в качестве собственного имени не вводилось ни одного знака, не обеспеченного некоторым денотатом. Известно, что в логике недопустима неоднозначность выражений, ибо она является источником логических ошибок. Я полагаю, что не менее опасны псевдоимена, которые лишены денотата. История математики знает много заблуждений, которые возникли по этой причине. Псевдоимена, по-видимому, даже в большей степени, чем неоднозначные выражения, способствуют демагогическому злоупотреблению языком. «*Воля народа*» может служить этому хорошим примером: легко можно установить, что у этого выражения нет никакого, по крайней мере общепринятого, денотата. Поэтому мне представляется исключительно важным закрыть этот источник заблуждений – по крайней мере в науке – раз и навсегда [Фреге 1977: 199–200].

Как видим, ситуация, когда смыслу знака не соответствует какой-либо денотат, объясняется Фреге «несовершенством языка» и не приводит его к мысли о необходимости усовершенствования не языка, а собственной теории. Но вместе с тем Фреге допускает такое использование языка, при котором оказывается естественной ситуация, что предложение имеет смысл, но не имеет денотата – это поэтический язык. Так, рассматривая предложение *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна*, Фреге замечает:

Например, при чтении эпоса нас волнуют, наряду с красотой языка, только смысл предложений и вызываемые ими представления (образы) и чувства. Вопрос об истинности этих предложений увел бы нас из сферы художественного восприятия в сферу научных изысканий. Вот почему, коль скоро мы воспринимаем поэму Гомера только как художественное произведение, нам безразлично, в частности, имеет имя Одиссей денотат или нет [Фреге 1977: 190].

Однако и в этом случае речь, по Фреге, идет о некоторой частной форме языковой деятельности, а для имен, подобных имени «Одиссей», желательно даже иметь особый термин: «изображения» (*Bilder*)¹⁹ – чтобы отличать их и от «псевдоимен», и от «настоящих» знаков.

¹⁷ «По поводу того, что следует считать смыслом настоящих имен собственных, таких как, например, Аристотель, могут быть разные мнения. Можно, в частности, считать, что слово *Аристотель* имеет смысл ‘ученик Платона и учитель Александра Великого’. Тот, кто придерживается такого мнения, извлечет из предложения (2) *Аристотель родился в Стагире* не тот же самый смысл, который извлечет из него человек, считающий, что слово Аристотель имеет смысл ‘учитель Александра Великого, родившийся в Стагире’. Но до тех пор, пока значение имени остается одним и тем же, подобные колебания смысла допустимы, хотя в языках точных наук их следует избегать. В идеальном языке неопределенность смыслов нежелательна» [Фреге 1977: 183].

¹⁸ «Далее, хотя можно предполагать, что любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, вовсе не всякому смыслу соответствует некоторый денотат. Например, выражение *наиболее удаленное от Земли небесное тело* имеет вполне определенный смысл, но вряд ли у него есть денотат» [Там же: 184].

¹⁹ «Желательно иметь для знаков, которые должны быть наделены только смыслом, особое название, например, “изображения” [Bilder]; тогда слова, произносимые актером на сцене, будут изображениями; более того, и сам актер будет изображением» [Фреге 1977: 190].

3. О МОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ЗНАКА

Как мы попытались показать, основная проблема, которая не получает удовлетворительного решения в рамках теории Фреге состоит в том, что у знака (имени или предложения) при наличии смысла может и не быть денотата. Необъясненной остается и возможность наличия у имени собственного нескольких смыслов. Между тем все эти проблемы получают решение, если дополнить концепцию Фреге модальным компонентом – ввести в качестве области интерпретации (денотации) не только актуальный мир, но и возможные и невозможные миры. В принципе это уже сделано в модальной семантике (семантике возможных миров), особенно в той ее версии, которая непосредственно направлена на описание естественных языков (Д. Льюиз, М. Крессвелл). Требуется лишь перенести выработанные подходы в семиотику, уточнив и расширив понятие знака. Поэтому, не вдаваясь в обсуждение известного, продемонстрируем, что при модальном подходе, если как область интерпретации языковых выражений задать множество возможных миров, то при наличии смысла знак будет иметь также и денотат. Другое дело, что денотаты этих выражений могут быть локализованными в возможных или невозможных мирах и не иметь денотата в мире, принимаемом за актуальный. Так, все приводимые Г. Фреге отклоняющиеся выражения можно разбить на следующие типы:

1) Денотат имени не существует в актуальном физическом мире, но мог бы существовать при ином течении событий. Возможность принято определять как существование в некоторых возможных мирах. Так, Одиссея не существует в мирах истории Греции, но он существует в мирах греческого эпоса. Единорогов не существует в зоологии, но они существуют в мифологии.

2) Денотат выражения не существует в актуальном мире и не может существовать ни в одном из возможных миров, например: «наибольшее натуральное число», «круглый квадрат», «самая отдаленная от земли звезда». Это те случаи, когда правила сочетания смыслов приводят к ситуации, когда компоненты выражения могут иметь и смысл, и денотат, но их композиция характеризуется только смыслом. Так язык создает «псевдоимена», и их денотатом оказывается пустое множество (ноль). В таком случае все «псевдоимена», отличаясь по смыслу, будут иметь один и тот же денотат. Но это решение, которое содержится у Фреге, может быть дополнено, если в качестве области интерпретации рассматривать и невозможные миры. В таком случае денотаты этих выражений будут локализованы в различных невозможных мирах, и допустима ситуация, когда в одном из таких миров существуют круглые квадраты, но не существует наибольшего натурального числа и т. п. (см. [Хинтиikka 1980; Vendler 1975; Cresswell 1983] и др.). Такой подход выявляет зависимость понятия возможных миров от используемых для их конструирования языковых средств.

3) Пусть не покажется странным, но с этой точки зрения наименее ясно то, как рассматривать такое, по Фреге, «псевдоименя», как обиходное выражение *воля народа*. Казалось бы, из вышеприведенной цитаты следует, что сам Фреге склоняется к тому, чтобы считать подобные случаи «демагогическим злоупотреблением языком», когда, как и в предыдущем случае, языковыми средствами создается выражение, не имеющее денотата. Однако, как нам представляется, семантика выражения *воля народа* отличается от семантики выражения *наибольшее натуральное число*. Во всяком случае, ясно, что «псевдоимена» математики функционируют не так, как «псевдоимена» обиходного языка или политического дискурса. В первом случае имеет место процедура экспликации того, что денотат этого выражения не существует ни в одном из возможных миров. Но «естественные псевдоимена» помещены не в контексты знания, а в контексты веры, почему и подобная процедура к ним неприменима: невозможно доказать ни существование их денотатов, ни их не-существование. Характерна оговорка Фреге «у этого выражения нет никакого, по крайней мере о б щ е п р и н я т о г о, денотата» (выделено нами. – С.3.). Возможны различные процедуры интерпретации этих выражений, которые будут приводить к различным «не-общепринятым» результатам. Можно также предположить, что в политическом дискурсе, как и в случае метафорического (поэти-

ческого) употребления знака, имеет место одновременная референция к мирам, в ряде которых данный денотат существует, и к мирам, в которых он не существует, но при этом, в духе оруэлловского «двоемыслия», различные области референции не разграничиваются, а, напротив, целенаправленно смешиваются; ср. [Золян 2010].

4) Оказываются преодоленными колебания Г. Фреге относительно того, признавать ли за предложением *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна* наличие истинностного значения или нет. Ведь очевидно, что в противном случае его оценка будет такой же, как и его отрицание: *Неверно, что Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна*. Между тем первое предложение следует признать истинным применительно к области его референции (гомеровскому эпосу) и языковому универсуму, включающему имя *Одиссей* как каузальную историю его различных употреблений; ср. [Donnelan 1972]. Кроме того, если признать у имени *Одиссей* наличие денотата в мирах греческого эпоса, то тем самым мы признаем наличие денотата и у включающего его предложения (именно отсутствие денотата у имени *Одиссей* было для Фреге основой для отрицания у этого предложения истинностного значения).

5) Наконец, рассмотрим относящуюся уже к другому аспекту смысла смущавшую Фреге возможность наличия у имени собственного двух смыслов ([Фреге 1977: 183], см. сноску 17). Не вдаваясь в описание хорошо известных различий между именем и определенной дескрипцией (по Б. Раселлу) и жесткими и нежесткими десигнаторами (по С. Крипке), укажем следующее: в данном случае очевидно, что хотя у выражений *Аристотель, ученик Платона и учитель Александра Великого* один и тот же денотат в актуальном мире, они не равноэкстенциональны: в различных возможных мирах это могут быть различные индивиды. Так, при ином течении событий Аристотель мог и не быть учеником Платона, а у Александра мог быть и другой учитель. Еще более сложную модально-темпоральную структуру имеет выражение *учитель Александра Великого, родившийся в Стагире* в отличие от выражения *Аристотель родился в Стагире*: ведь в тот момент, когда родился Аристотель, он еще не был учителем Александра. Первое выражение предполагает описание из мира, будущего по отношению к миру, в котором родился Аристотель, и соответственно, одновременную денотацию имени *Аристотель* к этим двум мирам; ср. [Данто 2002]. И если предложение *Аристотель родился в Стагире* истинно начиная с момента рождения Аристотеля, то в тот момент в актуальном мире имя *учитель Александра Великого* еще не имело денотата, а предложение *учитель Александра Великого родился в Стагире* стало истинным спустя десятилетия. Так что и с этой точки зрения не во все моменты времени и не во всех мирах у выражений *Аристотель и родившийся в Стагире учитель Александра Великого* один и тот же денотат.

Как видим, все те случаи, которые Фреге склонен был объяснять «несовершенством языка», из-за чего нарушалась соотношенность между смыслом и денотатом, получают свое решение, если предположить, что денотация знака осуществляется не только в актуальном, но и в возможных и невозможных мирах. Но такое расширение требуется не для того, чтобы получили объяснения случаи, которые вызвали трудности или же рассматривались как отклонения. На наш взгляд, напротив, как раз они, выявляя то, что не столь очевидно в случае «обычных» знаков, подсказывают, что в определение знака необходимо включить и модально-темпоральное измерение.

Рассмотрим такой знак, как архитектурный чертеж здания (своеобразный аналог имени собственного). Что может являться его денотатом? Ответ будет зависеть от той области интерпретации, в которой мы будем искать этот денотат. Так, на стадии проектирования это будет дом-в-будущем – денотат еще физически не существует в момент проектирования, но он существует в достижимом из актуального мира возможном мире, который станет актуальным через некоторый момент времени. После постройки дома этот чертеж станет субститутом дома – например, при оформлении собственности. Если этот дом будет разрушен, этот же чертеж станет историческим фактом – домом-в-прошлом, его денотатом будет дом, который существует в том возможном мире, который достижим из актуального мира, поскольку был актуальным некоторое время

назад; ср. [Прайор 1981]. Это временное отношение может быть осложнено модальным: например, если данный чертеж представлен на конкурсе, то денотатом станет дом, который может стать домом в будущем. Если же на конкурсе этот проект не станет победителем, то денотатом чертежа станет дом, который мог бы, но никогда не станет домом, то есть этому дому суждено будет существовать исключительно в возможных мирах. Можно представить и ситуацию, когда дом разрушен, но архитектор-археолог реконструирует его по сохранившимся деталям. О подобной реконструкции никогда нельзя будет утверждать, что она есть точное соответствие существовавшему, поэтому денотат данного чертежа будет существовать и в возможных мирах прошлого – возможно, но не обязательно, что один из этих миров был некогда актуальным миром. Наконец, можно представить (как на гравюрах Эшера), что дом спроектирован неправильно, и построенный по этому чертежу дом рухнет или же просто не может быть построен. Тогда денотатом знака станет дом, который не существует ни в одном из возможных миров, но существует в некоторых из невозможных.

Ситуация предстанет в еще более интересном виде, если вспомнить, что чертеж – это знак-икон, то есть должно быть определенное соответствие между означаемым и означающим. Стало быть, возможны ситуации, когда знак будет подобием того, что не только не существует, но и не может существовать. Как видим, в отличие от общепринятой точки зрения, возможны ситуации, когда не означающее должно походить на означаемое, а как раз наоборот – означающее задает то, каким должно быть означаемое, чтобы соответствовать означающему. Таким образом, далеко не всегда верно то, что знаки-иконы обращены к прошлому опыту²⁰.

Что же в таком случае является смыслом знака – чертежа дома? Изменяется ли смысл во всех этих случаях, как то предполагал Фреге применительно к имени *Аристотель*, или же остается одним и тем же? Наконец, что считать денотатом данного знака – один и тот же дом, локализованный в разных мирах, или же множество различных не сводимых друг к другу домов? Думается, решение вытекает из намеченного самим Фреге понимания смысла как отношения, функции, следует лишь расширить область интерпретации, или область значений (value) функции, понимая ее как множество возможных миров. В таком случае смысл данного знака-чертежа предстанет как функция, которая соотносит данный знак с соответствующим ему денотатом в том или ином мире. Денотатом этого знака будут возможные значения функции: чертеж однозначно задает параметры здания. Разумеется, все соответствующие этому чертежу дома будут одним и те же домом, хотя и локализованным в разных мирах. Мыслимые или реальные различия между этими локализациями уже не будут касаться семантики данного знака (например, в разные моменты времени этот один и тот же дом может быть окрашенным в разные цвета, быть новым или покосившимся от старости, на фоне зимнего или летнего ландшафта и т. п.). Разумеется, в данном случае имеется в виду денотат чертежа, а не реальный дом – в физическом отношении непостроенный или разрушенный дом отличаются от реальных домов, но рассматриваемые как денотаты чертежа они не отличимы друг от друга. Вспомним проводимое Витгенштейном разграничение между носителем имени и его денотатом (значением) – денотат имени *Иван Иванович* остается тем же, даже если Иван Иванович болеет или даже, не дай Бог, умер²¹).

²⁰ «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти», – эту мысль Ч. Пирса из его книги «Экзистенциальные графы» воспроизводит Роман Якобсон, обобщая свою знаменитую статью «В поисках сущности языка» [Якобсон 1983: 116].

²¹ Видимо, так надо понимать Л. Витгенштейна: «...слово “значение” употребляется в противоречии с нормами языка, если им обозначают вещь, “соответствующую” данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени. Когда умирает господин N, то говорят, что умирает носитель данного имени, но не его значение. Ведь говорить так было бы бессмысленно, ибо, утратив имя свое значение, не имело бы смысла говорить “господин N умер”» [Wittgenstein 1958: 20].

Аналогично мы будем рассматривать и имена собственные. Денотаты знаков в естественном языке, в отличие от знаков, подобных чертежу, могут изменяться физически. Например, Лев Толстой в 1848 г. и Лев Толстой в 1908 г.: если судить по фотопортретам, то это совершенно разные люди. Если в качестве знака рассматривать фотографии, то денотатом одной фотографии будет Лев Толстой в 1848 г., а другой – Лев Толстой в 1908 г.²² Но применительно к имени *Лев Толстой* денотатом будет один и тот же индивид, пусть и локализованный в различающихся по времени мирах: Лев Толстой в разные периоды его жизни. Имя *Аристотель* во всех мирах выделит Аристотеля, хотя это могут быть и различные индивиды (безотносительно к тому, какую семантическую теорию мы принимаем – С. Крипке, Д. Льюиза или Я. Хинтикки) с различающимися биографиями: так, Аристотель будет Аристотелем и в тех возможных мирах, где ему не суждено будет встретиться с Платоном или же где не существует Александра Македонского. При этом следует учитывать гибкость языкового знака – при определенных условиях имя нарицательное может функционировать как имя собственное и наоборот.

Это решение распространяет на все знаки языка тот подход, который принят при описании дейктических единиц: смысл дейктического выражения понимается как функция, которая применительно к любому контексту однозначно определит денотат данного выражения применительно к данному контексту²³. Например, местоимение *я* может указывать на различных индивидов, но его смысл при этом остается тем же – указание на того, кто применительно к данному контексту является говорящим.

Но так же можно рассматривать смысл языкового знака в целом, безотносительно к его типу: как функцию, которая соотносит знак с его денотатами во всех возможных мирах, причем денотация к актуальному миру – это лишь один из случаев. Это решение может иметь два варианта. Для имени собственного это будет один и тот же денотат, как в рассмотренном случае с чертежом. В случае имени нарицательного (общего имени), как и в случае семантики *Я*, это могут быть и различные индивиды. Так, например, денотатом слова *стол* могут быть не только реально существующие столы, но и те, которые сгорели при пожаре, нарисованы на картине, были увидены мной во сне, столы, которые я собираюсь купить в будущем году и т. п.

Однако здесь требуются дополнительные уточнения. Понимая смысл как функцию, мы должны определить, что является ее областью значения. Здесь можно принять две точки зрения. Первая, абсолютная, сегодня представлена в модальной семантике: область значения функции, или стратифицированная область интерпретации имени, – это и есть некоторое неуточняемое множество возможных миров (начиная с пустого мира и заканчивая их универсальным множеством). В соответствии с этим смысл знака описывает значения функции во всех возможных и невозможных мирах и тем самым выделяет денотат данного знака в любом из этих миров (подобно Богу у Лейбница, который мог видеть все множество возможных миров, чтобы выбрать из них наилучший; среди прочего, он мог, например, найти денотат имени *Аристотель* в мире, в котором не было Платона). Тем самым знание семантики имени предстает как умение выделить данный индивид в любом из представленных для обозрения миров.

Однако, за исключением некоторых экстравагантных случаев (фантастика, театр абсурда, альтернативная история и т. п.), в рассмотрение может быть принято ограни-

²² Вероятно, так яснее становится идея основателя «общей семантики» Альфреда Коржибски снабдить каждое имя собственное временным индексом: чтобы за преступление молодого Смита не страдал сидящий в тюрьме пожилой Смит, или же самоубийство Смита рассматривалось бы как убийство Смита-первого впадшим в безумие Смитом-вторым [Korzybski 1958: xlii]. В основе этой идеи стремление уподобить знаки естественного языка иконам-моделям (например, фотографиям), в которых наблюдается однозначное соответствие между означаемым и означающим.

²³ Насколько можно судить по отдельным разрозненным замечаниям, сам Фреге, вероятнее всего, возражал бы против подобного подхода [Requ 1997]: семантика дейктических единиц (например, *я*) была для него связана скорее с субъективными и даже невыразимыми мысленными представлениями [Frege 2008: 36–39].

ченное множество возможных миров²⁴. Смысл и денотат знака существуют не в вакууме, а в некотором темпорально-модальном пространстве, мире, или поле. Тем самым знак, как правило, имеет некоторую сферу денотации, которая определена условиями, обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи. Если смысл знака понимается как функция, которая определена на некотором множестве возможных миров, то и границы этой сферы также следует считать компонентом семантики знака – это его модально-темпоральное измерение, или же поле²⁵. Оно не произвольно, а детерминировано, с одной стороны, контекстом высказывания (где и когда), а с другой – тем компонентом семантики знака, который с определенными оговорками можно назвать каузальной историей имени (С. Крипке, К. Доннеллан): цепочкой его употреблений начинающая с момента «первокрещения», первого названия, то есть памятью о предыдущих контекстах. Разумеется, границы этого поля денотации (радиус действия имени) могут быть изменены за счет создания новых текстов или же новых интерпретаций имеющихся. Во всех этих случаях действует прагмасемантический механизм, останавливаться на описании которого в данном случае не имеет смысла. Он достаточно исследован в работах по модальной семантике и прагматике (Р. Столнейкер, Д. Каплан, Д. Льюиз, Ю. Степанов и др.), а также в исследованиях по интертекстуальным отношениям, цитации, прецедентным текстам, концептам и т. д.

Приведем несколько примеров, показывающих зависимость имени собственного от темпоральных характеристик, например:

- *Москва – столица России.*
- *Москва была столицей России.*
- *Будь Москва столицей России...*
- *Неверно, что Москва – столица России.*
- *Возможно, что Москва будет столицей России.*
- *Возможно, что Москва не будет столицей России.*

Приведенные предложения в некоторых, но не во всех контекстах являются истинными, поскольку денотаты имени *Москва* будут локализованы в различных мирах. В некоторых исторических мирах Москва была столицей России, в некоторых нет, в будущем она может быть столицей России, но может и не быть. Это отнесение имени *Москва* к тому или иному темпоральному миру осуществляется за счет эксплицитных (содержащихся в предложении модально-временных показателей) или имплицитных (времени контекста высказывания²⁶) форм. С другой стороны, одно и то же предложение

Москва – столица России

может быть истинным или ложным в зависимости от контекста высказывания: в XIX или XX в., в мире романа Льва Толстого «Война и мир» или же повести А. Кабакова «Невозвращенец» и т. п. Разумеется, оценка того или иного высказывания – это факт не только языка, но и истории России, но эта история существенна для правильного использования имени *Москва* и знания его семантики. Соотнесенность между модально-темпоральными характеристиками смысла имени и его денотата наглядно проявляется при изменении имени, а, стало быть, и смысла. Изменение имени не может повлиять на физические объекты, но изменяет не только смысл, но и его денотацию, поскольку со

²⁴ Я. Хинтиikka предложил разграничивать «возможные» миры и эпистемические альтернативы: поскольку «не все возможные миры равно возможны», то субъект, как правило, рассматривает в качестве возможных только те миры, которые совместимы с его представлениями о мире [Хинтиikka 1980: 228–229].

²⁵ Мы используем многообещающую идею Михаила Лотмана о том, что определения знаковой системы как набора элементов, правил и отношений еще недостаточно – требуется также ввести и понятие поля. Например, излюбленный пример Ф. де Соссюра, шахматы, где помимо описания фигур и ходов, требуется и понятие доски, которая также является некоторым набором знаков и отношений [Lotman 2012].

²⁶ Ср.: «...время произнесения является частью произнесения мысли... Для ее правильного понимания необходимо знание обстоятельств, сопровождающих произнесение и используемых как средство выражения мысли» [Фреге 2008: 36].

смыслом оказывается ассоциировано и модально-темпоральное измерение (поле, пространство, рамка) смысла. Так, переименование города никак не может повлиять на сам город (носитель имени), но приводит к изменению денотата. Поэтому возможны предложения: *Санкт-Петербург – это Ленинград* и *Ленинград – это Санкт-Петербург*, поскольку эти два имени синонимичны (взаимозаменяемы в некоторых контекстах, но не во всех); они не тождественны и не симметричны²⁷. Использование этих высказываний ограничено определенными контекстуальными временными рамками. *Санкт-Петербург – это Ленинград* – высказывание, истинное после 1991 г., когда Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. И, напротив, высказывание *Ленинград – это Санкт-Петербург* истинно в момент от 1924 г. до 1991 г. Поэтому возможны и такие предложения, как *Ленинград был Санкт-Петербургом* или же *Санкт-Петербург был Ленинградом*. Но неверным будет: *Петроград был Ленинградом*, тогда как истинным – *Ленинград был Петроградом* (истинным будет *Петроград стал Ленинградом*). Таким образом, *Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград* – это разные имена одного и того же города, но при этом мы видим, что их денотат не всегда один и тот же, поскольку может быть локализован в различных временных мирах. Поэтому денотаты этих имен не тождественны, но связаны линией межмировой соотнесенности, поскольку миры, в которых они локализованы, достижимы один из другого: один мир есть мир, который был (есть, будет) этим другим миром. Что же касается обозначения одного и того же города, то нам потребуется ввести еще одно собственное имя: *город, который в разные времена назывался Санкт-Петербургом, Петроградом, Ленинградом* (как то делается в справочниках: дается нынешнее название, а в скобках – прежние). Такие случаи весьма похожи на приводимые Фреге примеры имен, имеющих различные смыслы, но тот же денотат (имена *Венера, Вечерняя Звезда* и *Утренняя звезда*). В свете сказанного положение об идентичности денотатов у этих имен должно быть уточнено²⁸.

Аналогичный подход можно распространить и на имена нарицательные. В условиях конкретного речевого акта они начинают вести себя как имена собственные, указывая не на класс объектов, а на определенный объект. Таким образом, можно считать, что неизменяемый компонент языкового смысла (его внутрисистемные характеристики) актуализируются в определенном модально-темпоральном поле, параметры которого определяются коммуникативным контекстом (**кто – кому – где – когда говорить**), по-

²⁷ Этот случай отличен от достаточно редких примеров так называемой абсолютной синонимии, когда имеет место полная взаимозаменяемость имен: *Лингвистика – это языкознание* и *Языкознание – это лингвистика*. Здесь мы не рассматриваем и те смысловые отличия, которые принято связывать с так называемой «внутренней формой» слова: в предложениях *Ленинград был назван в честь Ленина*, *Санкт-Петербург был назван в честь святого Петра* (при абсурдности *Ленинград был назван в честь святого Петра*) эти имена перестают быть взаимозаменяемыми безотносительно к какому-либо временному контексту. Мы понимаем синонимию как взаимозаменяемость в некоторых, но не во всех контекстах, а многозначность как наличие у слова двух и более рядов синонимов. На этой основе возможно отграничить лингвистическую синонимию от равноинтенциональности и равноэкстенциональности [Золян 1991].

²⁸ Один из примеров Фреге прямо показывает соотнесенность имени с временными характеристиками: «Предположим, что у данного предложения есть денотат. Заменим в нем некоторое слово на другое слово с тем же денотатом, но с другим смыслом; это никак не должно повлиять на денотат предложения в целом. Мы увидим, однако, что выражаемое предложением суждение изменится: так, например, в предложениях (6) *Утренняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем* и (7) *Вечерняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем* выражены разные суждения. Если не знать, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* суть имена одного и того же небесного тела, то одно суждение можно считать истинным, а другое ложным. Таким образом, суждение нельзя считать денотатом предложения; его надо рассматривать как смысл предложения» [Фреге 1977: 189]. Ситуация меняется, если считать, что смыслы имен *Вечерняя звезда* и *Утренняя звезда* имеют различные темпоральные характеристики и их денотаты локализованы в различных, периодически сменяющих друг друга временных мирах, в отличие от денотата имени *Венера*, который не имеет подобного ограничения.

добно тому, как имя *Москва* в высказывании *Москва – столица России* синхронизировано со временем контекста его высказывания. Так, в высказывании *Дом покосился* имя соотносено с тем объектом, который имеют в виду собеседники – будь то реальные сегодняшние собеседники, исторические личности или же вымышленные собеседники из романа. Тем самым смысл имени нарицательного в конкретном речевом акте получает дополнительные характеристики, которые определяют модально-темпоральную локализацию его денотата (мир и время). Темпорально-модальные характеристики могут приводить к образованию новых смыслов и появлению у слова новых значений, то есть воздействовать и на систему языка. Например, в предложении *Вчера я купил лапти* слово *лапти* будет интерпретировано как шутовское обозначение некоторой обуви, поскольку никак не соотносится с современными мирами. Но в контексте *Вчера в магазине сувениров я купил лапти* это же имя будет интерпретировано в соответствии со своим прямым смыслом. Аналогично смыслы имен *кентавр*, *единорог*, *ведьма* и т. п. включают указание, что их область интерпретации – это сказочные и литературные миры. Поэтому возможно высказывание *Петя верит, что он убил единорога* при аномальности *Петя убил единорога*. Если же коммуникативный контекст высказывания требует интерпретации имени в актуальном мире, то прямой смысл изменяется на переносный; ср.: *Иванушка-дурачок обманул ведьму* и *Начальница Ивана – ведьма*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к заключению, что конституирующее знак отношение между означаемым и означающим (смысл знака, по Фреге) должно быть дополнено модальным компонентом (темпоральные отношения принято рассматривать как разновидность модальных). Это уточнение позволяет дать адекватное решение тем сложностям или кажущимся исключениям («несовершенству языка»), которые возникают в теории знака при игнорировании этого аспекта.

В той версии семантической теории, которая была предложена Фреге, центральным является понятие смысла, благодаря чему возможна денотация, т. е. рассмотрение знака и его соотносённости с экстралингвистическими объектами. Подобная сконцентрированность теории на смысле позволяет обезопасить семантику знака от ее растворения в мире объектов. При этом основная идея Фреге – что смысл есть отношение, функция, соотносящая языковые выражения с лингвистическими объектами – может естественным образом пониматься и как заданная на множестве возможных миров. Такое расширение тем более уместно, что именно концепция Фреге стала основой теоретико-множественной семантики, которая и используется в модальной семантике. Но вместе с тем теория Фреге не затрагивает вопроса о том, откуда появляются, как определяются и как существуют смыслы. Безусловно, частичный ответ можно найти в теории Соссюра – смыслы определяются той системой, в которой данный знак функционирует. Но смысл не может быть ограничен исключительно отношением между знаками внутри системы, он предполагает и выход за ее пределы. Смыслы формируют новые системы, которые хотя и существуют в виде знаковых конструкций, уже не сводимы к тому, что можно было бы рассматривать как манифестацию этих систем в речи. (Подобно тому, как текст нельзя рассматривать как одну из возможных реализаций системы того языка, на котором написан текст, – естественный язык есть лишь один из аспектов текstopорождения.) Это уже отношения не только между знаками, но и между мирами, то есть системы, которые в модальной семантике известны как модельные структуры С. Крипке (множество возможных миров, связанных с актуальным миром и между собой некоторыми отношениями межмировой достижимости). Эти системы могут быть представлены в виде определенных знаковых конструкций, используя которые мы в состоянии эксплицировать то, что принято называть условиями истинности и денотации (референции).

Смысл некоторого предложения в модальной семантике принято определять как множество возможных миров, в которых оно истинно. Такой подход есть продолже-

ние классического подхода, связывающего понимание предложения, то есть экспликацию его смысла, со знанием условий его истинности: каким должен быть мир, чтобы предложение соответствовало или не соответствовало бы тому, что имеет место. Эти условия истинности предложения могут быть представлены как некоторая знаковая конструкция, описание: «Все то, что может быть описано, может и случиться» [Витгенштейн 1958: § 6.362]. Форма существования подобных конструкций – это тексты, как существующие, так и потенциально возможные.

То же применительно к имени: его смысл можно представить только как функцию, то есть чисто формальное отношение, которое не имеет и не требует какой-либо материализации. Но к этому определению смысла можно добавить и содержательный аспект: это условия денотации, т. е., применительно к каким мирам и посредством каких текстов и коммуникативных контекстов может быть осуществлена денотация. Тем самым смысл как отношение может быть описан и как модель соотношения, и как модус существования в этой модели (в некотором множестве возможных миров) некоторого объекта (в случае имени собственного) или класса объектов (в случае имени нарицательного). Это есть соотношенное с данным знаком его модальное измерение. При актуализации данного знака модальные характеристики соотносятся с миром-контекстом коммуникации, в результате чего определяется денотация данного знака применительно к некоторому миру-контексту. Однако описание этого процесса требует, чтобы модальная семантика знака была дополнена модальной прагматикой, что требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
Витгенштейн 1958 – Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958.
Горный 1996 – Е. Горный. Что такое семиотика? // Радуга. 1996. № 21.
Данто 2002 – А. Данто. Аналитическая философия истории. М., 2002.
Золян 1989 – С.Т. Золян. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989.
Золян 1991 – С.Т. Золян. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991. (2-е изд.: М., 2013).
Золян 2010 – С.Т. Золян. Язык и политическая реальность: перечитывая Орвелла // Язык, общество, коммуникация. Т. 1. Ереван, 2010.
Льюиз 1983 – Д. Льюиз. Общая семантика // Семиотика. М., 1983.
Моррис 1983 – Ч.У. Моррис. Основания общей теории знаков // Семиотика. М., 1983.
Пирс 2000 – Ч.С. Пирс. Избранные философские произведения. М., 2000.
Прайор 1981 – А.И. Прайор. Временная логика и непрерывность времени // Г.А. Смирнов (сост.). Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
Ревзин 1971 – И.И. Ревзин. О субъективной позиции исследователя в семиотике // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1971. Вып. 266.
Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
Фреге 1977 – Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
Фреге 2008 – Г. Фреге. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008.
Хинтиikka 1980 – Я. Хинтиikka. В защиту невозможных возможных миров // Я. Хинтиikka. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
Эко 1998 – У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
Якобсон 1983 – Р. Якобсон. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
Barwise, Perry 1981 – J. Barwise, J. Perry. Situations and attitudes // Journal of philosophy. 1981. V. 78. № 11.
Cresswell 1980 – M.J. Cresswell. Quotational theories of propositional attitudes // Journal of philosophical logic. 1980. V. 9. №1.
Cresswell 1983 – M.J. Cresswell. A highly impossible scene. The semantics of visual contradiction. // Meaning, use and interpretation of language. Berlin; New York, 1983.
Davidson 1975 – D. Davidson. On saying that // D. Davidson, J. Hintikka (eds). Words and objections. Dordrecht; Boston, 1975.

- Donnellan 1972 – *K. Donnellan*. Proper names and identifying descriptions // D. Davidson, G. Harman (eds). The semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
- Eco 1995 – *U. Eco*. Unlimited semiosis and drift: Pragmaticism vs. «Pragmatism» // K.L. Ketner (ed.). Peirce and contemporary thought: Philosophical inquiries. New York, 1995.
- Korzybski 1958 – *A. Korzybski*. Science and sanity: An introduction to Non-Aristotelian systems and general semantics. 5th ed. Brooklyn (NY), 1958.
- Lotman 2003 – *M. Lotman*. Peirce, Saussure and foundations of semiotics // Sun Yat-sen journal of humanities. 16 (Summer 2003).
- Lotman 2012 – *M. Lotman*. Verse as a semiotic system // M.-K. Lotman, Mih. Lotman (eds). Sign systems studies. Tartu, 2012. V. 40 (1/2).
- Malinovski 1923 – *B. Malinovski*. The problem of meaning in primitive languages // C.K. Ogden, I.A. Richards. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. Cambridge, 1923.
- Ogden, Richards 1923 – *C.K. Ogden, I.A. Richards*. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. Cambridge, 1923.
- Peirce 1976 – *Ch. Peirce*. Parts of Carnegie application // The new elements of mathematics. V. 4. Mathematical philosophy. The Hague, 1976.
- Perry 1997 – *J. Perry*. Frege on demonstratives // Readings in the philosophy of language. Cambridge; London, 1997.
- Vendler 1975 – *Z. Vendler*. The possibility of possible worlds // Canadian journal of philosophy. 1975. V. 5. № 1.
- Wittgenstein 1958 – *L. Wittgenstein*. Philosophical investigations. London, 1958.

Сведения об авторе:

Сурен Тигранович Золян

Институт перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета им. М. Шолохова,
Институт философии Национальной академии наук Республики Армения
surenzolyan@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.11.2013.